

ние брата почти 10 годами ранее. Подобные записи придают источнику характер мемуаристики и, позволяет размышлять над изменениями душевного состояния и переживаниями автора. Они открывают возможности для интерпретации анализируемых текстов как эго-документов, подтверждают, что произведения мемуарного жанра с конца XVIII в. создавались не только в среде представителей высших сословий [9, с. 132].

1. Голубев, И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. / И. Ф. Голубев. – Калинин, 1960.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII–XIX века. – М.: РОСПЭН, 2007. – 470 с.
3. Румянцева, М. Ф. Мемуары – «современные истории» // Источниковедение : учебное пособие. – М.: РГГУ. – 1998.
4. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 1997.
5. Середа, Н. В. Дневниковая традиция купеческих семей Тверского края / Н. В. Середа // Традиции династий Верхневолжья : материалы региональной научно-практической конференции, Тверь–Калязин, 8–10 сентября 2003 г. – Тверь, 2007. – С. 204–215.
6. Середа, Н. В. Гендерные отношения в среде тверского купечества / Н. В. Середа // Тверь и города-побратимы: прошлое, настоящее, будущее : материалы Международной научно-практической конференции, Тверь, 25 мая 2007 г. – Тверь, 2007. – С. 120–132.
7. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
8. Троицкий, Ю. А. Аналитика эго-документа: инструментальный ресурс историка / Ю. А. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – С. 14–31.
9. Чекунова, А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII – XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа / А. Е. Чекунова. – М. 1995. – 136 с.

Ермакова О. К.
ИНОСТРАННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭЛИТА УРАЛА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX В.:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СТАТУСА ПО АКТОВЫМ ИСТОЧНИКАМ*

А. Я. Купфер, описывая совершенное им в 1828 г. путешествие по Уралу, с приятным удивлением подчеркивал, что даже в местах, существенно отдаленных от центров цивилизации (таких, например, как Миасский завод на Южном Урале), он и его команда имели удовольствие наслаждаться всеми благами европейской жизни, а в Златоусте у ученого сложилось впечатление, будто он находится в немецком «заводском городе» [24, с. 114–115, 129–132]. Недаром редактор «Отечественных записок» П. И. Свиньин назвал тот же Златоуст «уголком Германии, перенесенным в Уральские горы» [8, с. 142]. Ярко выраженная «европейскость» была характерна и для Екатеринбурга, изначально создававшегося как город нового типа [19, с. 1697]. «Западные» компоненты повседневной жизни горнозаводского Урала, его культуры и идентичности обеспечивались устойчивым присутствием в регионе иностранцев. Зарубежные специалисты входили в элиту местного социума, «техническую» в смысле профессиональной принадлежности, являвшейся в силу хозяйственно-экономической специфики территории одним из ключевых факторов социального престижа.

Массовый приезд в Россию специалистов из Западной Европы в эпоху Петра I способствовал появлению большого количества актового материала, в котором фиксировались условия «сделки» между государством и иностранцами. Иноземцы попадали на службу через заключение контракта. Практика найма иностранцев по договорам, не являясь новшеством XVIII столетия, в эпоху Петра I приобрела массовый и систематический характер. При этом, складывается впечатление, что по сравнению с контрактами предшествующего периода, договоры первой четверти XVIII в. демонстрируют в некотором смысле «откат» назад в плане проработанности текста, его структуризации и полноты содержания. Думается, что основная причина этого состояла в том, что подписание контрактов с иноземцами в XVII в. еще не было поставлено на поток, а потому каждый документ тщательно составлялся [См., например: 6, с. 211–216].

С началом массовых миграций иностранных специалистов при Петре I разрастается категория иноземцев с особым статусом, который определял контракт (или его прототипы), заключенный на определенное время, не требовавший от контрактеров перемены веры или подданства, не запрещавший (а наоборот, подразумевавший) возможность возвращения на родину. В то же время, в связи с возросшим числом иностранцев и ускорением процедуры их въезда в Россию, документирование вербовки порой оказывалось скромным. В оборот вошли упрощенные договорные формы (договорные письма, капитуляции). В контрактах в большей степени нуждались сами иностранцы, отказывавшиеся выезжать без договоров [20, с. 90].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19–78–10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

Иноземцам справедливо приписать авторство (по крайней мере, частичное) исследуемых источников. Поскольку речь идет о государственном контракте, в котором одним из контрагентов выступал сильный актор – государство, то резонно было бы предположить, что мы имеем дело с тем, что в современной юриспруденции называется «договором присоединения»¹. Однако, разработка соглашений строилась на основе тесного взаимодействия с иностранными специалистами, исходя из вопроса: «на каких условиях иноземец готов выехать?» [10]. Другое дело – насколько впоследствии соблюдались принятые в ходе переговоров «кондиции». Если в Петровскую эпоху контракт воспринимался российской стороной как формальность, то уже в начале XIX в. юридическая сила договора не подлежала сомнению [Подробнее см. : 7, с. 131–136].

Контракт являлся ключевым документом, определявшим социально-правовой статус иностранцев. Причем, положение нанятых по договорам мастеров и инженеров оказывалось более стабильным и защищенным, по сравнению с другими категориями иностранных подданных, что особенно ярко проявлялось в периоды напряженной международной обстановки и войн². Сосредоточим внимание на том, какие структурные элементы контракта включали указания на критерии престижа и статуса иноземцев. Прежде всего, идентификация (или самоидентификация) иностранцев содержится в начальном протоколе контрактов, где характеризуется состав контрагентов. В силу особенностей формуляра, в такого рода актах не всегда очевидно разграничение элемента *intitulatio* (лица, от которого исходит документ) и адресата (*inscriptio*)³, но можно предположить, что в процессе целенаправленных вербовок иностранец чаще всего выступал адресатом⁴. Итак, из вводных статей договора проясняется первичная информация о контрактере. Например, в контракте с Д. Петерсоном, принятым на Ижевский завод в 1820 г., указано имя и факт иностранного подданства специалиста: «заключен сей контракт с иностранным мастером Давыдом Петерсоном» [21, л. 108]. В других случаях прописывалась профессия или специализация иностранца: «заключен сей договор <...> с иностранцем машинным мастером Ульрихом Ротом» [22, л. 4]. Контракт с британским инженером Е. Вигзелем демонстрирует более полный набор сведений, включающий указание на подданство и «место выхода» контрагента: «Евстафий Вигзель, Инженер-Механик, Великобританский подданный, из Гринвича, что в графстве Кент, изъявил добровольное согласие, принять на себя обязанность механика...» [4, л. 2].

В статьях, составляющих диспозитивную часть контрактов, излагались собственно условия найма на службу, что позволяет реконструировать новый статус иностранцев, возникший с момента их поступления на службу. Первым маркером служит должность или чин: «Обещается Его императорскому величеству помянутой господин Гейденрейх бергмейстером служить» [3, л. 94]. Нередко можно наблюдать, что с переездом на Урал и превращением в «уникальных специалистов» (даже из простых рабочих) социальный статус иностранцев повышался. На «носителей передового технологического опыта» возлагались большие надежды, но квалификации вызванных специалистов в ряде случаев не хватало, чтобы оправдать ожидания русской горной администрации⁵. Интеграция иностранца в местную иерархию отражалась в контрактах посредством разъяснения структуры должностных отношений: кому непосредственно подчинялся иноземец, а какие работники и структуры находились в его распоряжении [4, л. 2–3].

Неотъемлемой частью контракта и ключевыми маркерами социального статуса иностранцев являлись «кондиции» о материальном обеспечении специалистов (включая денежное содержание и иные пособия и «вспоможения»). Проработка этих важнейших условий совершенствовалась с развитием договора как такового. В эпоху Петра I допускалась ситуация, когда иноземец принимал на себя обязательство вступить в российскую службу на основании устных обещаний царских агентов. Правда, в отличие от наемных военных, которым зачастую, не конкретизируя,

¹ Речь идет о готовом (возможно, универсальном) тексте контракта, который вторая сторона – частное лицо – вольна заключить или нет, но изменить его условия не представляется возможным.

² Показательна ситуация конца XVIII – начала XIX в., когда на законодательном уровне усиливался надзор за иностранцами, от них требовались дополнительные присяги, а некоторых высылали за пределы Российской империи. Тем не менее, служивших на Урале по контрактам (в том числе, на частных заводах) иностранных инженеров и техников данная мера не коснулась [См., например: 9].

³ Данное утверждение относится, прежде всего, к актам, в текстах которых присутствует прямое указание на контрактную форму отношений, синалагматическую связь, подразумевающую взаимные обязательства. Такие же разновидности актов, как капитуляции, договорные письма и договорные статьи по формуляру представляли собой односторонние обязательства того или другого контрагента [12, л. 2–5; 14, л. 3–3об.; 15, л. 1–3об.; 16, л. 1–1об.]

⁴ За исключением, пожалуй, «капитуляций» – разновидности промежуточной стадии развития контракта (и вообще, акта), текст которых выстраивался от лица иноземца, «учинившего капитуляцию».

⁵ См., например, о британских «формовщиках» У. Тиндле и С. Броуне [18, л. 13–18, 24, 173–174об.].

устанавливали жалование «против иных иностранных» того же чина [13, л. 18об.], технические специалисты заранее знали размер будущих выплат. Кроме того, предписывалось обеспечивать их «даровой квартирой и дровами» [1, л. 213об. ; 3, л. 94об.]. Данный смысловой блок контрактов постепенно становился более развернутым. Набор привилегий и пособий зависел от должности иностранца. Так, английский инженер-судостроитель Джеймс Карр, нанятый с командой помощников для работы на Урале в 1846 г., получал «приличный дом, достаточ [ный] для помещения Джеймса Йозуа Карра, его семейства с принадлежащим к нему сараем, конюшней и другими удобствами», «дрова, свечи, прислугу, все нужное для обзаведения дома и мебель» [23, л. 10об. –11].

Показателем устойчивости социально-правового статуса иностранцев являлась степень юридической защищенности, дарованная контрактом. Для ситуации первой четверти XVIII в. было характерно преимущество воли монарха (и его представителей) над условиями договоров. В этом отношении Петр I не следовал принципу различия прав чужестранцев и собственных подданных, как это декларировалось в классических европейских теориях договорного права, например, в учении Г. Гроция [5, с. 285]. При этом, наряду с упрощенными вариациями «договорных писем» и «капитуляций», в Петровскую эпоху практиковалось заключение контрактов (называемых также «трактатами» и собственно «договорами») за рубежом в нотариально установленном порядке, с нанесением соответствующих удостоверительных знаков. Вероятно, такая процедура служила в сознании западноевропейцев гарантией соблюдения их прав [11, л. 1–1об. ; 17, л. 1–2об.]. В реальности же имели место различные нарушения договоров с российской стороны, намеренное удержание иноземцев сверх срока контракта или, напротив, досрочное расторжение соглашений. Постепенно «уважение» к контракту возрастает. В конце 1740-х гг. даже «излишние» иностранные мастера имели право оставаться на уральских заводах вплоть до окончания договоров [2, л. 24–28]. В первой половине XIX столетия формуляр контрактов уже явно свидетельствовал об устойчивой синаллагматической связи договорных отношений, что подтверждалось обязательным соблюдением условий со стороны государства не только на бумаге, но и на практике.

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 24. Оп. 1. Д. 10.
2. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253.
3. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
4. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
5. Гроций, Г. О праве войны и мира. Гл. XIV. § 8 [Электронный ресурс] / Г. Гроций. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Groziy.Kn2.pdf>. – Дата доступа: 18.03.2021.
6. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 5. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – 535 с.
7. Ермакова, О. К. Индустриальная идентичность Урала и правовая культура: на стыке западноевропейских и российских традиций (XVIII – середина XIX в.) / О. К. Ермакова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 454. – С. 131–136.
8. Ляпин, В. А. Немецкие оружейники на Урале / В. А. Ляпин // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): мат-лы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» / редкол.: Н. Н. Баранов (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург: Волот, 2001. – С. 138–142.
9. Неклюдов, Е. Г. Иностранцы на частных заводах Урала в начале XIX в. / Е. Г. Неклюдов // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. – С. 281–287.
10. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 3. – № 1512.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30.
12. РГАДА. – Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12.
13. РГАДА. – Ф. 150. Оп. 1. 1704 г. Д. 13.
14. РГАДА. – Ф. 150. Оп. 1. 1707 г. Д. 1.
15. РГАДА. – Ф. 150. Оп. 1. 1708 г. Д. 6.
16. РГАДА. – Ф. 150. Оп. 1. 1710 г. Д. 7.
17. РГАДА. – Ф. 150. Оп. 1. 1712 г. Д. 1.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 37. Оп. 10. Д. 35.
19. Редин, Д. Иностранцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города / Д. Редин // *Quaestio Rossica*. – Т. 8. – 2020. – № 5. – С. 1695–1717.
20. Ржеуцкий, В. Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I / В. Ржеуцкий, Д. Гузевич // *Quaestio Rossica*. – Т. 6. – 2018. – № 1. – С. 79–98.
21. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). – Ф. 4. Оп. 1. Д. 75.
22. ЦГА УР. – Ф. 212. Оп. 1. Д. 742.
23. ЦГА УР. – Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592.
24. Kupffer, A. T. Voyage dans l'Oural entrepris en 1828 / A. T. Kupffer. – Paris: Typographie de Firmin Didot frères, 1833. – IX, 428 p.